

ПРЕДСЕДОВСКАЯ ТРИБУНА УЧИТЬСЯ У НАРОДА-ЯЗЫКОТВОРЦА

СЪЕЗД писателей России оставил в жизни каждого советского литератора заметный след. Разговор о более глубоком проникновении в современную действительность, в думы и чаяния простого человека, о мировоззрении писателя, художественном мастерстве, о постижении современных тайн языка, умения строить произведение — все это никогда не перестанет волновать писателя.

г. ШОЛХОВ-СИНЯВСКИЙ

Во. Помнится, по молодому неразумию своему я спросил тогда: — Что это за слова? Где их искать? Артем усмехнулся добродушно, сам румянощекий, как зрелое яблоко, ответил: — Где же, как не в саду рвать яблоки. То. А сад этот — народ. В народе и пишется слова ядреные, румяные...

Потом эта истина все глубже входила в мое сознание, и чем жаднее я стремился найти эти румяные слова, тем медленнее и труднее подвигалась работа, но и тем сладостнее и плодотворнее она становилась.

Продолжая разговор о мастерстве, о языке, хочется сказать: в союжении, с какой-то поры эта работа над языком стала отклоняться теперь, уже по общему признанию, в какую-то весьма отвлеченную от первоисточника, от народа сторону.

Одно время, в тридцатые годы, писатели чрезмерно увлекались усвоенным областным слогарем, стали тягаться в свои произведения без отбора всякие «конювые», «черноземные» и жаргонные, большей частью искаженные, неграмотные русские слова, подбывая самые изысканные и «заковыристые», выдавая это за полноту народного литературного языка.

Мне вспоминается, с каким гневом выступил А. М. Горький против такой псевдонатурности, против натуралистической всеядности в использовании богатейших россейских великого русского языка. Дикую, разгоревшуюся вокруг этого вопроса, принесши свои полезные плоды. Но тут постепенно стали появляться чрезмерно усердные поборники не чистого, а «чистенького», прилаженного русского языка: «спуританы», как мы их тогда называли, которые вместе с действительным звукоблестением, случайными, искаженными русскими словами, взятыми из местных говоров и речений, стали вытравлять живую образность, самобытную ткань языка каждого писателя, вместе с незорелыми плодами-тычками стали выбрасывать и румяные, высокоортные яблоки. Общерусские, подлинно народные, вошедшие в классическую литературу со времен Пушкина слова, составляющие наши языковые сокровища, кое-кто из усердствующих стал выдавать за устаревшие, областнические. Появилась целая плеяда редакторов, которые кинулись в атаку на самые невинные отступления от приписного, выхолащенного, заливанного языка.

САМОБЫТНЫЙ голос, живое слово писателя рождает определенный, неповторимый стиль, свой особенный лад письма. Мало уметь находить румяные слова, надо уметь найти для них свой строй, соответствующий тому жизненному материалу, который составляет плоть и кровь, моток произведения. И тут выигрывает тот, кто найдет для себя этот неповторимый ритм-строй, свой лад, свою интонацию, свой стиль. Слово и стиль неотделимы, органичны и в каждом случае самобытны, характерны. Это не формалистическое условие, а сама природа художественного письма.

«Если у автора нет «слога», он никогда не будет писателем. Если же есть слог, свой язык, он как писатель не нуждается», — говорил А. П. Чехов.

Стиль писателя должен быть оригинальным, самобытным — старая истина! Но какое это дело редактору-пуритану, которые ограничивают богатство русского языка словарными нормами. Для таких благодетелей чистоты языка словарь — закон, канон, догма. Литературный язык, по их мнению, — это то, что собрано в словаре, а все остальное, живое, принесенное писателем из жизни, из толпы народной, — все это от лукавого.

К тому же такие благодетели чувствуют себя при пользовании словарями очень виноватыми. Ведь составители словарей позаботились и о том, чтобы разложить слова по полочкам: одно — разговорное, другое — устарелое, третье — областное и т. д., и невдомек им, разобравшись приписной грамотности, что категорично слов тут явно перепутаны, старые добротные русские литературные слова, конии пользовались великие мастера и нам завещали пользоваться, записаны в разряд или устаревших, или областных, или разговорных, то есть нелитературных.

Глубоко прав А. Югов, когда в своей статье «Эпоха и языковая «пятачка» («Литературная газета», №№ 7 и 8, 1959 г.) критиковал составителей словарей и их ревнителей. Вопрос, поднятый А. Юговым, остро нагнетает и требует самого энергичного вмешательства писателей в такую уродливую борьбу за чистоту литературного языка, как выхолащивание «Товарного словаря живого великорусского языка» В. Дала.

Когда корректор или литправщик, не спрашивая о квалифицированного, обладающего высоким литературным вкусом редактора, подпись которого стоит в конце книги, исправляет, например, общепонятное русское слово «высокочинный» на «высокочинный», не видит тут разницы, считая, видимо, что слово «высокочинный» режет слух, то этим уже наносит явный ущерб языку писателя.

Не менее вредно и то, когда стиль писателя подгоняется под общий приписной

СИНТАКСИС. Какая уж тут может быть особенность стиля, индивидуальный почерк автора, за которые так горячо ратовали Лев Толстой, Чехов, Горький и ратуют наши мастера-современники! Стряги всех одной машинкой, под первый номер, лишь бы чистенько да гладенько было!

ЕСЛИ критика мало пашет о художественной стороне нашей работы, то очень смело говорят о ней читатели. Хотя и у некоторых читателей под влиянием плохой переводной и так называемой приключенческой литературы начинала портиться вкус к слову и не все читатели способны правильно судить о художественных достоинствах или недостатках книг. Тут уж вина не столько самих читателей, сколько тех, кто обязан воспитывать литературные вкусы, — критиков, писателей, педагогов.

Но число читателей, правильно и точно оценивающих и разбирающих произведения современной литературы, с каждым годом увеличивается. Они жаждут не только высокой идейности, правдивого изображения современности, изображения героического труда, своих дум, чувств и чаяний, — они требуют и отточенного художественного мастерства. Все чаще высказывают они меткие суждения о языке, стиле, композиции произведений. Мне не раз приходилось слышать жалобы серьезных читателей на то, что некоторые книги современных советских писателей стало скучно читать, что они построены неумело, тяжело, аллюпато по языку, как плохо построенные, неуклюжие дома с лишними безвкусными украшениями и с бесконечно длинными запутанными коридорами.

«Дочитайшь с трудом такую книгу до конца», — говорит читатель, — и думаешь: то, что хотел сказать автор, можно было выместить в один короткий рассказ: слов потрачено много, а дела мало. Много потрачено событий, разговоров, людей. Герой разговаривает каким-то протокольным языком; если не подсказает автор, то и не доумеешь, кто это человек — колхозник или рабочий, стеллар или стеллар, откуда он родом, с каких мест — с Подмосквы, с Кубани или Дона. А уж о характере человека и говорить не приходится».

На одной читательской конференции уже пожилого, опытного писателя вежливо упрекали за то, что он совсем перестал описывать природу, как будто все действие его романа происходило в безвоздушном пространстве, в космосе, где-то далеко между Землей и Марсом. Кто-то довольно хитро заметил:

— А разве космос — не природа? Там тоже, наверняка, есть какие-то особенности среды, не только черная бездна, а еще и какая-нибудь игра света звезд и планет, какие-то оттенки и краски.

Конечно, описания природы, пусть даже самые превосходные, не могут существовать сами по себе, как бы искусственно вклеенными в ткань произведения. Пейзажи могут быть даны через восприятие самих героев, чтобы оттенить их мысли, настроения, чувства, — такую «стеллажу» пейзажи несут у Тургенева, Д. Толстого, Горького, Шолохова. Но пейзаж может быть и поводом для лирических и философских отступлений самого автора, и просто фоном, контрастным или усиливающим то или иное душевное состояние героя. Каких-нибудь определенных канонов или штампов здесь не существует. Неоспоримо одно: глубочайшей и сильной особенностью русской художественной литературы всегда была и остается многообразная живая природа, пейзажная, сдвинуть ее со всех многогранных, могучим своеобразием русской природы.

Манера рисовать пейзаж должна быть такой же самобытной, оригинальной и новой у каждого писателя, как и его язык. А в наших произведениях опасная природа часто похожа одно на другое, как упомянутые ранее китовские пейзажи. Еще хуже, когда описания эти так старомодны и так ложно красивы, так разукрашены золотом, сиянием всех драгоценных камней, какие только существуют в ювелирных магазинах, что невольно закрадывается сомнение — не вытыли ли они напрокат из трехразрядной литературы прошлого века.

МНЕ СКАЖУТ, что я оглуленно охляю своих собратьев и не вижу языкового и стилистического многообразия современной советской литературы, не привожу примеров лучшего и худшего. Но я говорю не о том лучшем, что у нас уже есть и что мы должны защищать (кстати, этого хорошего среди массы книг, вышедших за последние время, значительно больше, чем это видят наши критики). Мне только хочется отметить выжидательное отношение к литературе на тревожном явлении, которое все назойливее бросается в глаза, — слово писателя все чаще не выполняет своего назначения, емкость его сужается и не соответствует полноте и величии отображаемого. Слово, стиль теряют напряженность, упругость, страстность, красочность, возвышенность. Живописи в наших произведениях, возвышенного, прерывающего дышания, сильных чувств, выраженных словом, к сожалению, мало. Наблюдается какое-то однообразное спокойствие, как будто все говорят уныло-ровными голосами и сдерживают силу слова.

Наш великий и могучий русский язык должен стать подлинно действенным и емким средством для изображения гигантских дел и героических характеров нашей эпохи. В этом наша цель и весь смысл нашей работы!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Между съездами. К IV съезду писателей Украины издательство «Радянський письменник» выпустило интересную книгу — библиографический справочник-указатель, рассказывающий о творчестве украинского художника слова за период между III и IV республиканскими съездами писателей.

Литература Украины за последние четыре года обогатилась значительным числом романов и повестей, стихов и статей, и ограниченный объем указателя не мог, разумеется, вместить абсолютно все, написанное за этот период. В справочнике наиболее полно представлены новые книги, вышедшие на украинском и русском языках в республиканских и областных издательствах СССР, а также переводы. Народный поэт Башкирии. На днях в украинском Доме политического просвещения собрались журналисты, деятели искусства, представители писательской общественности Башкирии, чтобы отметить пятидесятилетие со дня рождения Р. Ингмата. После доклада о творческом пути поэта секретаря обкома КПСС Х. Сайранова орденом Указа Президиума Верховного Совета Башкирской АССР о присвоении Рашиту Ингмату почетного звания народного поэта Башкирии.

150-летие со дня рождения Тараса Шевченко. В связи с приближением этой знаменательной даты, исполняющейся в 1964 году, Центральный Комитет Коммунистической партии Украины и Совет Министров Украинской ССР создали правительственный республиканский Комитет по подготовке и проведению юбилея. Комитет возглавляет Микола Бажан, в его составе П. Тычина, М. Рыльский, А. Юрничук, О. Гончар, А. Белецкий, деятели науки и культуры, представители партийных, комсомольских и общественных организаций Украины, переводчики промышленности и сельского хозяйства.

Творческое наследие А. Файзы. Празднике Союза писателей Татарии создано комитетом для собрания и изучения творческого наследия видного татарского писателя А. Файзы, скончавшегося осенью 1958 года. Ахмед Файзы работал в различных жанрах, печатался во многих издательствах, общался и переписывался с самым широким кругом людей. Комитет обратился ко всем товарищам и организациям, имеющим материалы об Ахмеди Файзы, с просьбой присылать их в Казань.

На съемках «Поднятой целины»

В СТАНИЦУ Кергинскую для съемок нового цветного художественного фильма «Поднятая целина» прибыла экспедиция студии «Ленфильм». Сценарий по роману Михаила Шолохова написали С. Шахматов и Ю. Лукин. Стеллар фильм А. Иванов, оператор В. Фастович, главный художник Н. Суворов. В новой картине участвуют многие известные мастера советского театра и кино: заслуженный артист РСФСР В. Дорофеев (дядя Шукер), П. Чернов (Давыдов), Матвеев (Нагульнов), Л. Хитяев (Лукерья Нагульнова). В Станице Кергинской будут сняты сцены встречи Нагульнова и Давыдова в деревне Лог, затем экспедиция для продолжения съемок выедет в район Миллерово.

Большую помощь коллективу студии в создании новой картины оказывает автор романа. Работа над фильмом будет закончена во второй половине этого года. РОСТОВ-НАДОНУ. (Наш корр.)

БОЛЬШОЙ И ВАЖНЫЙ ОПЫТ

«Мы видим, — говорит М. Бажан, — в какие бешеные идеологические атаки бросается последнее время буржуазия. На эти атаки необходимо ответить двойным контрударом. Необходимо поднять боевистов наших выступлений против буржуазной идеологии, усилить наступательный характер нашей идеологической борьбы». Советская литература, разумеется, не может не быть здесь в первых рядах!

ГЛАВНАЯ ТЕМА советской литературы — тема современности — отнюдь не мешает художественному освоению прошлого. В текущей украинской литературе немало сильных, подлинно новых книг и о Великой Отечественной войне (например, повесть П. Загребельного «Дума о бессмертном»), и особенно — о годах революции, гражданской войны (широкую популярность приобрели романы «Ровь людская» — не вождя М. Стелмаха, «Перелом» О. Гончара, «Мир хижинам, война дворянам» Ю. Смолича). А какие это разные книги!

«Острое, проникнутое публицистическим пафосом, близкое к памфлету, шаржевому преувеличению и одновременно точное, даже несколько суховатое письмо Ю. Смолича. Романтически приподнятый, размашистый, эпический широкий стиль О. Гончара. Лирическое, чистое, может быть, слишком узурное повествование М. Стелмаха. Каждый по-своему рисует образы, и они действительно входят в сознание читателей». Немало сейчас в украинской литературе произведений и о тяжелой дооктябрьской жизни народа, о его революционном протесте (назовем из многих только три, принадлежащих перу маститых украинских писателей, — повесть П. Панча «Синюев не отдам», повесть П. Вовшицкого «Дружина»), роман П. Козлянюка «Юрко Арук», и совсем уже о «делах давно минувших дней» (А. Ильченко написал своеобразный роман о XVII веке — «Казачком ролу нет переводу»). С. Скарленко заглянул в Киевскую Русь двухтомным романом «Святослав»). А книги о Шевченко, а поэма П. Доронко о Чернышевском, а поэма А. Малышко «Франко в Криворозье», а романы И. Вильде, Б. Харчука, И. Чендея, а стихотворная поэма С. Головинского «Атерина», а поэма И. Ушакова «В Париции», в Париции», поэма А. Плещука «Радути над Полесьем»... Следует различать современное значимое той или иной книги о прошлом (близкое или далекое) и тему современности, прямое изображение жизни наших современников. Книга о прошлом может и должна быть актуальной. В сегодняшней украинской литературе таких произведений немало. Вот как характеризует докладчик, например, повесть В. Васильевой «В борьбе роковой» — повесть о 20—30-х годах, о близком прошлом,

Из украинских поэтов

Павло ТЫЧИНА   Дмитро МОЛЯКЕВИЧ

ИЗ ЮНОШЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Не бывал же ты в наших краях! Там, где небо — морские просторы. Там, где степь и курганы, и горы... А весенние ночи в лесах! Ах, ты разве не знаешь, не знаешь, Когда сам ты смеешься, дрожишь, и рыдаешь, Сердце бьется, что птица в силках. Не бывал же ты в наших краях!

Не бывал же ты в наших краях, Не таким бы отуда вернулся! Там простор широко распахнулся, Есть там люди, — росли ведь в степях! — Что не любит рыдать, не умеет, Что без песни чудесной не пашут, не сеют, Ну, а ты постоянно в слезах... Не бывал же ты в наших краях.

Перевел с украинского Лев ОЗЕРОВ

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

СОЛОВЬЯМ УКРАИНЫ

В разлуке с соловьями Украины, Снежно, а сердце старое болит: С ним говорит, его зовет, манит, Как будто юность, край наш соловьиный.

Версаль и Лувр не могут не пленять! Как хороша французская столица! Оно, конечно, гостю не годится О Лохвице в Париже вспоминать. Забудь о Миргороде и о Сквире, Занеси свой Голосев позабудь, — В лесу Бульском сладко дышит грудь; Как рай и омут он известен в мире.

Перевел с украинского Ник. УШАКОВ

ЮРИЙ ГОНДА

КУЗНЕЦ

Звон наковальни, огнем залитой, — Жатву встречает кузнец молодой. В глазах — закалившая сталь. В искрах летящих родится деталь.

Будь кузнецу благодарен ты, жнец! — Все для тебя приготовил кузнец. Если ты песню напеваешь свою, Знай, что он выковал песню твою.

Винг настроены на ласковой лад. Чуть заметку — в нарядной витрине Те нехитрые туфли стоят. Парусиновые, на резине.

Это доброе чувство поймай (Заверю вас, — чистая правда!) Лишь заврасский студент-пешеход, Кто трепал их, как строк этих автор. У кого испытали они, Как сказать, и метели, и громы, Проволяя и вешние дни, И со снегом бывали знакомы.

Сытые меры зыбския и строг, Хоронясь за отцовскую спину, Кто-то не хихикает не мог, Поглядев на мою парусину. Потому что (сказать мне не грех) Есть у нас и такая породе, Что приехала оценивать всех, Как велит ей журнальная мода. Как ни пыжились эти друзья, Не завидовал им я нимало: Парусника смешная моя В царстве хрома отнюдь не хромала!

Ведь ее покупал я всегда Лишь за честные деньги, ребята, И не прятал ее от стыда, — Нет, в галوش от сырости прятал... Я не стану обманывать вас И признаюсь открыто, не струшу: Из-за туфель мне все-таки раз Раздирало смущение душу.

Вот какой ододел меня страх: Шла рядком с парусиной старой На высоких своих каблучках Лакерованных туфель пар. Ах, совсем я от глаз ошалел — От глубоких, притягательных, синих. Да-а! Я очень, признаться, жалел, Что привык цезелать в парусине. Только зря я тогда знамюю: Мне хороша в душу лягала, — До моих же студенческих ног Никакого ей не было дела.

Перевел с украинского Павел ПАНЧЕНКО

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Антология казахской поэзии. Перевод под редакцией М. Львова и Л. Озерова. Вступительная статья М. Ауэзова и Т. Андрицкая. Гослитиздат. 862 стр. 10 000 экз. 31 руб. 85 коп.

Казначейские сказки. Алма-Ата. Гослитиздат. Казахской ССР. 360 стр. 70 000 экз. 8 руб. 10 коп.

Простор. Сборник составлен из стихов русских советских поэтов, живущих и работающих в Казахстане. «Советский писатель», 131 стр. 3 000 экз. 4 руб.

Сейтаханин С. Первые шаги Стихи. Перевод с казахского А. Львова. Алма-Ата. Гослитиздат. Казахской ССР. 100 стр. 20 000 экз. 9 руб. 85 коп.

«Гимном в честь партии, в честь ее самоотверженных борцов является повесть Ванды Васильевской. Это произведение словно бьет по лицу тех ревизионистских клеветников, что возводили клевет на польских коммунистов, на их революционные традиции. Повесть Васильевской является произведением высокой политической актуальности. Ее доходящее обуславливается и формой, и содержанием найденной писательницей. Форма эта — строгая, точная, почти аскетичная, но в то же время напряженная, активная, современная в лучшем смысле этого слова».

ИТАК, СНОВА — форма и содержание, идея и мастерство... В докладе М. Бажана много интересных, сконцентрированных, «привлекательных» разговоров о той или другой книге, о ее достоинствах и недостатках, о ее вкладе в историю украинской литературы. В последние годы превалирует неправильная, вредная, не совместимая с сознанием советских людей тенденция искусственно отделить процессы развития двух совючных языков — украинского и русского, вбивать между ними камешки... Ясно, что язык — определяющий, но не единственный фактор национальной формы. У нас выскочил язык, которые в отношении языка ни в чем не утешнее, но другие факторы их формы настолько лишены черт творческой самостоятельности, новаторства и индивидуальности, что книги эти читатели не заинтересовывают...

Писатель стремится глубже изучить жизнь, укрепить свои связи с мудрой и сложной, творческой и разнообразной жизнью социалистического общества, но этого не делается, пренебрегая работой над собой, не развивая своего сознания, не совершенствуя своего человеколюбивого опыта, не повышая свой культурный, не воспитывая свой вкус. Нам нужны произведения широкого взгляда на жизнь, глубокого обобщения, смелых и новаторских художественных решений».

«Мислительский» опыт украинской литературы! Значительно и многогранно обогащают на всю советскую литературу. Это с удовлетворением и радостью признано советскими читателями и писателями. Это дало основание партии высоко оценить заслуги украинской писательской организации. Нет сомнения, что, изучая свой опыт (разумеется, «без отрыва» от опыта других наших литераторов и опыта классической литературы), вытекающей и отечественной литературы после своего Четвертого съезда будет шагать еще более широким шагом.

Киев. (Наш корреспондент) (Окончание следует)

ОТ СОСКИ — ДО ТРУБКИ

Некоторые молодые литераторы слишком рано профессионализируются. Они поступают в Литературный институт, но обладая достаточным жизненным опытом.

